

Отзыв официального оппонента

на диссертацию Ирины Дмитриевны Норенковой
**«Финляндцы Санкт-Петербургской и Выборгской губерний в восприятии
петербургского общества на рубеже XIX – XX веков»**,
представленную на соискание ученой степени
кандидата исторических наук
по специальности 5.6.1 – Отечественная история

Диссертационное исследование Ирины Дмитриевны Норенковой посвящено «изучению поведенческих практик петербуржцев по отношению к финляндцам на территории Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургской и Выборгской губерний» (с. 1), эти практики обозначены предметом изучения (с. 5), в качестве объекта исследования выступают «русско-финляндские культурные связи, сложившееся в Петербурге и пограничной зоне» (с. 5). Исходя из названия работы, в центре внимания находится проблема «восприятия» финляндцев петербургским обществом на рубеже XIX и XX вв. Таким образом, диссертант усматривает тесную взаимосвязь «восприятия» и «поведенческих практик» и предполагает ее рассмотрение на примере межэтнической коммуникации в контексте культурного пограничья. Такая трактовка могла бы стать базовой для обоснования цели и теоретической значимости работы, однако в соответствующем пункте введения (с. 33) в качестве второй указывается (и это не совсем точно) перспектива дальнейшей разработки избранной диссертантом проблематики: «выводы могут быть применены для дальнейшего изучения ...».

Целями исследования заявлены «комплексное изучение и анализ восприятия Финляндии и ее жителей представителями русского общества в конце XIX – начале XX веков на территории Санкт-Петербурга и Выборгской губернии ВКФ». Для достижения поставленной цели было намечено решение

ряда (шести) задач, часть которых связана с реконструкцией социального статуса финляндцев в Петербурге, часть – с формами российско-финляндского взаимодействия на разных уровнях в повседневной городской коммуникации в столице и на территории ближайших к ней губерний Великого Княжества Финляндского, в том числе и в дачной местности (с. 7). Формулировка задач проясняет замысел автора: исследователь намерен реконструировать объективные социально-экономические факторы, которые лежат в основе межэтнических контактов в пространстве культурного пограничья, чтобы затем выявить черты образа и оценки финнов – как «своих» (жителей Петербурга и пригородов – прежде всего ингерманландцев, так и «чужих» (финнов ВКФ)). Такой аспект представляется весьма значимым и новаторским, поскольку в большинстве немалочисленных исследований, посвященных представлениям и стереотипам финнов в русском сознании и российской культуре данного периода, как правило, речь идет главным образом о российских подданных и русских в целом, без специального выделения петербургского социума. Хорошо известно, что этнические образы «своих» и «чужих» в Российской империи до XX в. весьма варьировались по регионам, что зависело не столько от информированности и образованности, сколько от опыта общения с представителями различных этноконфессиональных групп, прежде всего в зонах активного межэтнического взаимодействия. В этом смысле обращение И.Д. Норенковой к ограниченному в пространственном отношении ареалу представляется логичным и перспективным.

Историографический обзор диссертации выполнен по проблемно-тематическому принципу. Диссертант хорошо ориентируется в отечественных и зарубежных исследованиях последних трех десятилетий, касающихся изучаемых вопросов, – как теоретического («этнические образы» народов и финнов в частности), так и регионоведческого характера (социально-экономическое своеобразие Петербурга и состав его населения). Не привлекая финскую (финноязычную) и шведскую (шведоязычную) новейшую научную

литературу, Ирина Дмитриевна, тем не менее, знакома практически со всеми наиболее значимыми трудами по избранной проблематике на этих языках в переводах на русский и английский. Автор осведомлен о состоянии междисциплинарных исследований и потому должным образом аргументирует новизну предлагаемого им решения поставленных задач диссертации (с. 33) и положений, выносимых на защиту (с. 34–36). Отметим только, что небесполезной для выводов и обобщений оказалась бы концепция-гипотеза А. Каппелера, высказанная им, однако, не в упоминаемой диссертантом монографии «Россия – многонациональная империя» (М., 2000), а в его давней статье, не потерявшей, однако, своей актуальности – в ее названии Финляндия отсутствует, но в ней идет речь о своеобразии правовой и ментальной иерархии народов в Российской империи (*Каппелер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской Империи // *Россия – Украина. История взаимоотношений.* М., 1997). Досадно, что в перечне историографических позиций, посвященных истории формирования образа финнов в российской политике и русской культуре (как в обзоре, так и в библиографическом списке) отсутствуют две монографии российских авторов (*Витухновская М.А.* Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917 (Хельсинки – СПб., 2006); *Науменко В.Г.* «Здесь, на конце России исполинской...»: Финляндия в творческом наследии русских путешественников XVIII — начала XX века (Ярославль, 2010)).

Солидной и тщательно продуманной видится источниковедческая база диссертационной работы. Именно она, на наш взгляд, предопределила несомненные достоинства и недостатки исследования. В соответствии с поставленными целями И.Д. Норенкова привлекает те виды источников, которые позволяют, с одной стороны, реконструировать социальный облик объекта восприятия (финнов ВКФ и финнов столицы и пригородов), а, с другой, установить его важное последствие для межкультурной коммуникации: не «финны вообще», а представители конкретных профессиональных,

ремесленных, гендерных, региональных и субэтнических групп формируют представления о них в петербургской среде на рубеже XIX – XX столетий. Среди источников архивные документы делопроизводственного характера из четырех российских и одного финляндского архива (правда, с некорректно обозначенным (в переводе, а не в оригинале) названием); эго-документы различных жанров; произведения художественной литературы; путеводители и туристические издания; записки путешественников и этнографические описания (не совсем обоснованно объединенные в один вид). Кроме того, автор учитывает данные статистического и справочного характера (переписи 1870-х — 1910-х гг., полицейские сведения, адресные и памятные книжки), редко привлекаемые исследователями для изучения образов и стереотипов. Отдельную значительную группу составляют материалы периодики, к которым автор относит и публицистику «по финляндской тематике».

Структура диссертации отвечает поставленным задачам и выстроена в соответствии с проблемно-хронологическим и географическим принципами, она состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и пяти приложений.

В первой главе рассмотрены факторы изучения образа Финляндии, ее жителей («финляндцев») и финнов в среде петербургского общества. Важное заключение этой главы касается объективных и субъективных сложностей этноязыковой дифференциации финнов «русскими» (петербуржцами): они не всегда могли отличить финнов ВКФ от ингерманландцев (которых именовали расширительно «чухонцами», «чухной», и к которым могли относить эстонцев) и, вероятно, от финнов Российской Карелии). Довольно сложно верифицировать внешнюю идентификацию финнов через ненаучную этнонимику эпохи, — как точно отмечает диссертант.

Норенкова подробно анализирует ключевые для данного диссертационного исследования понятия и дефиниции — притом как исторические (в текстах источников), так и их современные аналоги и термины научно-этнографического тезауруса. Несмотря на привлечение диссертантом

специальной историографии, к собственно «этнологическим» формулировкам и интерпретациям есть ряд замечаний. Не совсем корректны определения «этническое многообразие *финляндских этносов*» (с.7) или «этническое многообразие финнов и финляндцев» (с. 48), озадачивает выражение «типы финских народностей» (с. 48), или же употребление этнонима «русские» в отношении столичных жителей в связке с «финляндцами» (не финнами) (с. 35), а также «финляндские имена» (с. 127). Вряд ли верно утверждение «*аборигенное финноязычное православное население*» (с. 48) (впрочем, в этом фрагменте автор ссылается на коллективную монографию «Многонациональный Петербург: история, религия, народы. СПб., 2002», но без указания конкретной статьи). Здесь имеет место непонимание классификационных для дореволюционной российской этнографии номинаций и их «перевода» в термины современного научного тезауруса. И в публицистическом, и в художественном дискурсах значения лексем, кажущихся современному читателю этнонимами, зачастую таковыми не являлись, будучи регионимами, политонимами и конфессионимами. Поэтому в ходе предпринятой автором (несомненно важной) интерпретации названий «финны», «финляндцы» и пр. в языке источников, встречаются неточности. Так, для изучаемого периода упоминание о племенном происхождении финнов-ингерманландцев имело уже сугубо историческое значение, и неверно рассматривать группы «саволайсет», «эврмейсет» и др. как этнические / региональные группы финнов Финляндии. Гораздо более значимым для понимания восприятия «финнов» в публицистических нарративах второй половины XIX – начала XX в. было бы уточнение, что наименование «финны» было, во-первых, менее употребительным в отношении исследуемых групп, чем «чухна» и «чухонцы» (у автора (с. 52–54) не указана такая трактовка, которая в современных этнографических исследованиях реконструирована), в том числе и потому, что финнами в научных, учебных, публицистических и художественных текстах исследуемого периода могли называть представителей не только прибалтийско-финской группы, но и так наз. «восточных финских» народов, и

даже иногда лопарей (саамов) (т. е. именуя финнами финно-угров). Однако при этом автор верно отмечает еще одну особенность, которая принципиально важна при изучении взглядов петербуржцев на «финляндцев» – то есть на финнов и шведов Финляндии (которые преобладали, в частности, среди столичных мастеров ювелирного дела): их редко дифференцировали (с. 50) Зачастую шведы Эстерботнии воспринимались как «типичные финны». Например, Александр III, регулярно отдыхавший в Финляндии в областях со шведоязычным населением считал местных обитателей «финнами» (или же для него понятия «финны» и «финляндцы» выступали как синонимы – хотя и эта информация имеет полулегендарное происхождение и передана сопровождавшими государя придворными). Такое «этническое» неразличение было характерной чертой восприятия жителей ВКФ русскими, и именно потому выделение диссертантом политонимической категории «финляндцы» и необходимо, и предпочтительно. Именно с образом финляндца-гражданина был ассоциирован, как верно подчеркнуто, и политический, так наз. «финляндский вопрос» на рубеже столетий.

Иной характер носит вторая глава диссертации, в которой рассматриваются различные виды деятельности финляндских подданных в Петербурге. Автор приходит к заключению, что «финляндский социум столицы рубежа XIX–XX веков имел сложную и неоднородную структуру – он был представлен высшими слоями, в которых преобладал шведский элемент, ремесленниками и торговцами средней руки, а также приезжими гостями, постоянно не проживавшими в Петербурге» (с. 130). Парадоксальность отношения к ним автор усматривает в том, что «для основной массы петербуржцев наиболее заметными были именно рядовые финляндцы» (с. 131), что, естественно, задавало довольно своеобразное восприятие финнов, распространяя характеристики (как позитивные, так и негативные) на локальную и вряд ли интегрированную общность. Таким образом, специфика восприятия финляндцев в Петербурге диктовалась как более тесными контактами с

носителями финской идентичности, знакомством в ними (историческим опытом коммуникации), так и своеобразием многонационального состава имперской столицы.

В этой главе, на наш взгляд, следовало бы обратиться и к другой значимой для исследовательской стратегии проблеме: что понимается под второй стороной анализируемой коммуникации, то есть под «петербургским обществом», указанным в названии? Определения этой категории в тексте нет. Между тем, вопрос важный – по той же причине, по которой И.Д. Норенкова предпринимает рассмотрение социальной дифференциации столичных финляндцев: с чьими суждениями и мнениями о финнах мы имеем дело? Как минимум, пролетариат, мещане и даже купечество, непосредственно и регулярно контактировавшее с «рядовыми», по определению диссертанта, «финляндцами», среди авторов источников не представлены. В какой мере можно считать отношение к финнам со стороны деятелей культуры (писателей А.И. Куприна, Л.Н. Андреева, В.Л. Дедлова-Кигна) сопоставимым с позицией деятелей политических (П.Н. Милюкова), особенно консервативного толка, – в начале XX столетия? Если в задачу входит выявить и интерпретировать общность их взглядов, то это необходимо комментировать и обосновывать. Если, напротив, целью является изучение широкого спектра общественных мнений, которые, как справедливо указывается диссертантом, именно на рубеже XIX и XX вв. во многом формировались под влиянием прессы и политизации национальных вопросов в обществе, то отдельные источники личного происхождения необходимо было бы подвергнуть детальному анализу более основательно и выделить их типы.

Относятся ли к петербургскому обществу члены императорской семьи и административного аппарата Империи? Норенкова приводит мнение Николая I о финляндцах (на с. 57, ссылаясь на цитату из монографии финских исследователей по статье Новиковой), однако не использует материалы самой этой книги (*Туоми-Никула Й., Туоми-Никула П. Императоры на отдыхе в*

Финляндии. СПб., 2003; потому она не внесена в библиографический список). Между тем, опираясь на нее, можно сделать выводы об образах и стереотипах Финляндии и ее жителей, которыми руководствовались императоры и властные верхи как в частных отношениях, так и принимая политические решения. Собирая многочисленные высказывания о финнах Финляндии путешественников, туристов, дачников (в третьей главе «Город Выборг и дачные местности Выборгской губернии в представлениях русских приезжих»), диссертант снова не дает оценки социальной принадлежности, статуса, имевшегося опыта взаимодействия с финнами тех, чьи мнения она приводит. Однако в то же время четко обосновывает причины актуализации негативных характеристик финнов в журнально-газетной публицистике, особенно в периодике правого толка в 1890-е – 1910-е гг. В какой же мере можно говорить о механизме эволюции подобных оценочных суждений? Для ответа на него необходимо было, на наш взгляд, вычленив повторяющиеся и бытовавшие в разных кругах определения и характеристики – т. е. стереотипы, или же опереться на заключения о них в современной историографии. Автор, – вероятно, по принципиальным соображениям, – не использует ни данный термин, ни сам инструментарий изучения стереотипов (существительное и определения встречается всего 3 раза, и лишь в характеристике отдельных заключений историографии), как, впрочем, не обращается и к теории имагологии, предпочитая опираться на круг понятий, соотносимых с «этническими образами» (одна из задач – «сравнить образы Финляндии и ее жителей, сформировавшиеся у представителей русского общества» (с. 7)).

Такая позиция не объясняется во введении, она небезупречна, но может быть принята. Однако в этом случае довольно трудно интерпретировать противоречивость образа «финляндца» в представлениях той неопределяемой исследователем части столичного общества («широкой публики», «русских приезжих», «жителей столицы», – в формулировках диссертанта), которая наслаждалась спокойствием и безопасностью дачной жизни в Старой

Финляндии, а, с другой, решительно осуждала излишне патриотические взгляды подданных императора в ВКФ или невладение ими русским языком. Очевидной сменой акцентов сопровождалась довольно стандартизированные описания финнов и финляндцев в период обострения не только финляндского, но и совокупности национальных вопросов в думский период (1905–1914 гг.). Для выявления этих изменений необходимо сравнение не только в синхронии, но и в диахронии.

На наш взгляд, проблема заключается в том, что диссертант, включив в название исследования слово «восприятие», но обозначив предметом своего исследования «поведенческие практики», не до конца обосновал связь между этими нетождественными (с точки зрения истории этнокультурных представлений и стереотипов) исследовательскими полями. Первое подразумевает статичные или эволюционирующие представления и реакции, второе касается коммуникативной сферы. При этом в ходе своего анализа Ирина Дмитриевна затрагивает оба аспекта.

Несомненной новизной диссертации, на наш взгляд, является избранный диссертантом ракурс рассмотрения финляндско-российского, финско-русского культурного и социального взаимодействия: Норенкова анализирует его в контексте культурного пограничья (хотя само понятие не задействует), именно в этом качестве полиэтничная имперская столица с ингерманландскими пригородами и финляндская окраина предстают «зоной культурных контактов русских и финляндцев» (с. 35). В процессе реконструирования «восприятия» финнов автор прежде всего обращается к фактическому и статистическому историческому анализу, выявляя те сферы экономической и хозяйственной жизни Петербурга и близлежащих губерний ВКФ, в которых финляндцы занимали ведущее место вследствие профессиональной (ремесленной) специализации, сложившейся еще в XVIII веке и существенно изменившейся к концу XIX в. Самостоятельной проблемой выступает история «освоения» и знакомства жителей столицы с природными достопримечательностями «Старой

Финляндии» (Выборгской губернии и Карельского перешейка), ставших местами дачных поселений столичных обитателей на рубеже столетий, что расширило коммуникативную область (сферу контактов) и знакомства с жизнью и бытом финнов в ВКФ. Таким образом, диссертант выделяет два вида межкультурной коммуникации «русских» и «финнов» – в Петербурге и в собственно финляндском пространстве, которые определяют область восприятия и потенциал оценочных суждений. Особенность первого поля взаимодействия обусловлена своеобразием имперской столицы (социальной структуры, повседневного быта, досуга и пр.), второго – более отчетливым, чем ранее, отношением к финскому / финляндскому как не «этническому чужому», а инокультурному, что было следствием осознания специфики политико-правового статуса ВКФ, не имевшего аналогов в Российской империи, именно в последней четверти XIX в.

Несмотря на отдельные замечания и ряд вопросов, возникающих в процессе прочтения, диссертационное исследование выполнено в соответствии с квалификационными требованиями, предъявляемыми к кандидатским диссертациям. По теме исследования автор имеет необходимое количество публикаций (всего 6, 4 из которых – в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по группе специальностей 5.6 – исторические науки). Диссертация является самостоятельным исследованием; автореферат полностью соответствует тексту диссертационного исследования. Диссертация И.Д. Норенковой отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к кандидатским диссертациям. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.1. – Отечественная история (по историческим наукам, а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, она оформлена согласно приложениям

№ 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова).

Таким образом, Норенкова Ирина Дмитриевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Отдела восточного славянства Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт славяноведения Российской академии наук»

Лескинен Мария Войттовна

23 апреля 2024 г.

Контактные данные:

тел.: +7-495-938-17-80, e-mail: vostslav@yandex.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом

защищена диссертация: 07.00.07 – Этнография, этнология, антропология

Адрес места работы: 119981, Москва, Ленинский проспект, д. 32 А.

тел.: +7-495-938-17-80, e-mail: vostslav@yandex.ru

Подпись Лескинен М.В. заверяю:

ВЕРНО:

Заведующая кадрами

Викторья Кирилловна

23 апреля 2024 г.